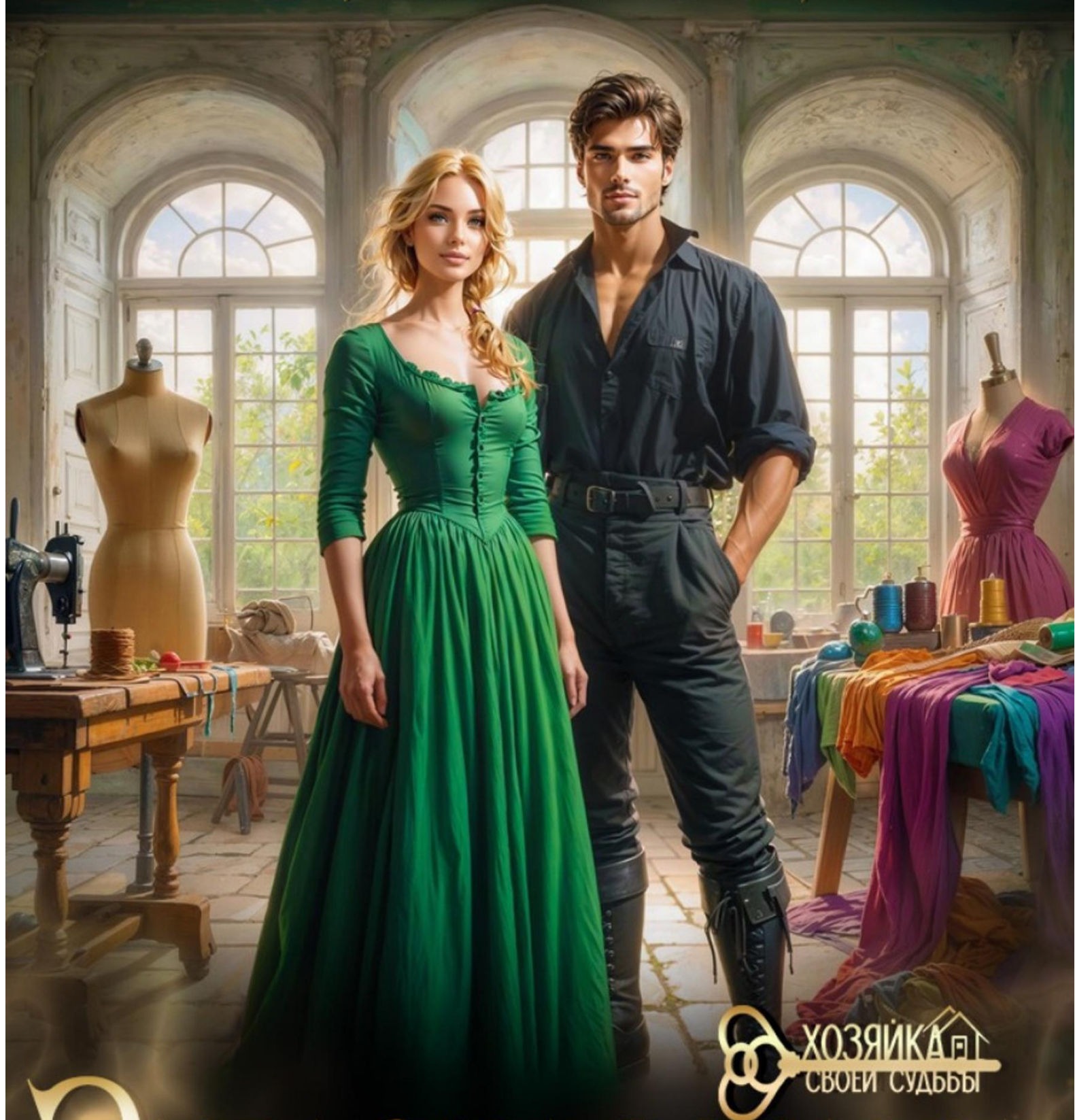

✧ ПОЛИНА ВЕРХОВЦЕВА ✧

ХОЗЯЙКА
СВОЕЙ СУДЬБЫ

ЗАПАСНАЯ МАМА

СЛУЖАНКА ЧЁРНОГО ЗАМКА

Полина Верховцева

**Запасная мама.
Служанка Черного замка**

«Автор»

2026

Верховцева П.

Запасная мама. Служанка Черного замка / П. Верховцева —
«Автор», 2026

В один день моя жизнь круто изменилась. Я узнала, что у меня будет сын, а у мужа есть любовница. И дернула меня нелегкая с ней встретиться! Думала, проучу нахалку, а в результате вместе с ней оказалась в другом мире, да вдобавок чья-то злая воля поменяла нас телами. Теперь мой ребенок у нее! К тому же почему-то все ее боготворят и говорят о пророчестве, в котором замешан мой сын, а мне отведена роль жалкой прислуги. Но ничего, я разберусь со всеми тайнами, пророчествами и верну своего ребенка. Правда для этого придется наводить порядок в замке, держать в ежовых рукавицах подставную мать и найти общий язык с самоуверенным магом, невлюбившем меня с первого взгляда.

© Верховцева П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Полина Верховцева

Запасная мама. Служанка Черного замка

Глава 1

— У вас будет мальчик, — сказал врач, — поздравляю.

Я покидала его кабинет со счастливой улыбкой на губах и черно-белым снимком малыша в дрожавших руках. Первая фотография! Надо позвонить мужу! Порадовать! А еще лучше — послать ему фотографию, пусть сам увидит.

Я бережно положила снимок на подоконник и, не в силах оторвать от него взгляда, полного обожания, порылась в сумочке в поисках телефона. Когда пальцы нащупали гладкую поверхность мобильного, меня уже потряхивало от нетерпения.

На экране скромно моргал значок входящего сообщения. Номер незнакомый, поэтому я без задней мысли нажала конвертик, готовясь к очередной рекламе, но там было письмо совсем другого содержания.

Мы с Игорем давно любим друг друга, а ты нам мешаешь! Свалила бы ты, милочка, по-хорошему. Он все равно бросит тебя и уйдет ко мне.

В полнейшем ступоре перечитала послание. Это точно чья-то шутка! Я отправила скупое:
Вы ошиблись номером.

И тут же получила ответ:

Ничего подобного.

Следом прилетела фотография, на которой мой муж улыбается рядом с какой-то белокурой девицей. Судя по рубашке, которую я сама лично покупала ему на прошлой неделе, фотография свежая.

Живот свело неприятным спазмом, пришлось напомнить себе, что в моем состоянии нельзя волноваться. А как не волноваться? Как?! Когда тут такое.

Я обессиленно опустилась на лавку и прижала ладонь к беспокойному животу. Это фотомонтаж! Мой муж — видный бизнесмен, кто-то просто хочет подставить его, очернить в моих глазах! Хочет, чтобы наша семья распалась!

Телефон снова пиликнул:

А это чтобы сомнений не было...

Маленький ролик, на пять секунд, где они смеялись, как ненормальные, кривлялись перед камерой. Целовались.

Дыши, Алекса, дыши.

Дрянь, которая мне прислала эти сообщения, никак не могла успокоиться.

Я знаю, что вы давно не спите вместе! Он мне сам говорил.

Угу, а беременность мне ветром надуло.

Слабо встретиться? — я отправила ей холодное послание.

Надо было ставить пиявку на место, потом ехать к благоверному на работу и разбираться, а скорее всего и разводиться.

Про сына я ему не скажу. Обойдется! И фото не увидит!

Девка попалась наглая и перла напролом:

Через час в Марлен.

Я убрала телефон сумочку, откинулась на спинку больничной лавки и прикрыла глаза ладонью. Вот тебе и самый счастливый день в жизни. Приехали.

— М-да, — протянула задумчиво, потирая кончик носа, — мдя-я-я-я.

Потом, собрав в кулак волю, смелость и боевой дух, я отправилась на встречу с девой, что влезла в мою размеренную жизнь. Посмотрим, что там за королева.

На место я приехала чуть позже намеченного времени. Кафе гостеприимно распахнуло двери, и меня окутал непередаваемый аромат кофе. Насыщенный, терпкий. Жаль, что мне нельзя. Беременность непростая, мне во многом приходилось себе отказывать.

Профуршетку я обнаружила за столиком в углу. Блондинка, наверное, на пару лет младше меня. Симпатичная с виду, но какая-то пустая, и взгляд у нее бестолковый, как у сельской Буренки. В общем, не понравилась она мне... Хотя было бы странно, если бы случилось наоборот.

Она была настолько поглощена изучением меню, что заметила меня, только когда я подошла вплотную к столику.

— Приветствую, — произнесла я, глядя на нее сверху вниз.

Она вздрогнула от неожиданности, но тут же взяла себя в руки. Недовольно сморщила нос, отложила в сторону меню и только после этого окатила меня взглядом, достойным особы королевских кровей. Правда, корона мигом съехала набекрень, когда она увидела мой беременный живот. У нее вытянулось лицо, побелело, пошло бордовыми пятнами, а рот открылся в немом протесте.

— Это как раз к вопросу о том, что мы с Игорем не спим, — прохладно улыбнулась я и села напротив нее.

— Это... это... — белокурая нимфа не могла подобрать слова.

— Это беременность, милочка. У нас с мужем скоро пополнение.

— Не может быть, — заверещала она, — ты... ты его на стороне нагуляла! Однозначно! И пытаешь Игорьку обманом удержать.

Понятно, Игорек наш заигрался, навешал ей лапши на уши. Да и мне тоже.

— Естественно, спать не сплю, а ребенка на него повесить хочу. Гениально. Как только сама не додумалась.

Бедолага хватала воздух ртом, пытаясь что-то сказать. Похоже, сегодня мир перевернулся не только у меня.

— Как зовут-то тебя, наивная прелестница, — усмехнулась я, хотя смеяться совсем не хотелось.

— Ю-Юля, — заикаясь, проблеяла она.

— Значит, давай договоримся так, Ю-Юля. Ты потихоньку сваливаешь в туман, а я делаю вид, что ничего не произошло, и не начинаю полномасштабные боевые действия.

Буренка сначала похлопала глазами своими бестолковыми, а потом начала злиться:

— Еще чего! Я никуда не свалю. Игорь мой!

— Ты в это до сих пор веришь?

— Он любит меня...

— Любит тебя, а детей делает мне? Отличная любовь.

Юляша заткнулась, засопела, снова голубыми глазами на меня уставилась. Хотя нет, не голубыми. Цвета морской волны. Темные, сине-зеленые, с длинными натуральными ресницами. Мне даже завидно стало, и в груди защемило от обиды, от боли, от того, что Игорь, скотина такая, предателем оказался.

Ладно, с ним позже разберусь:

— В твоих интересах, Юляш, самой уйти.

— А если не уйду, что тогда? — нагло улыбнулась она.

— Тогда проблемы будут, большие. Думаешь, я нежная домохозяйка? Которая без боя отступит в сторону?

К счастью, от Игоря я совершенно не зависела, чтобы такие вещи молча проглатывать. У меня свой швейный бизнес, и моя семья пользовалась большим уважением в городе. Так что сама не пропаду и спуску никому не дам.

— Да что ты мне сделаешь? — пренебрежительно фыркнула она, вызывая жгучее желание придушить.

— Еще не знаю. Ты работаешь, деточка? Или муженек мой содержит?

Она вскинула подбородок и гордо сообщила:

— Я студентка. Третий курс.

А я зачем-то подсчитала, что разница между нами примерно пять лет.

— Не закончишь ты свою учебу, солнышко.

— Это еще почему? — захлопала ресницами Буренка.

— Потому, — сочувствующе улыбнулась я.

Юляшка, хоть и дурочка, но все-таки сообразила что к чему. Тут же побагровела от негодования, а в глазах заблестели злые капризные слезы.

— Я пожалуюсь Игорю, и он тебе устроит!

— А еще он порадует, что ты мне написала и подставила его.

Она, наконец, сообразила, что ее самостоятельность ни к чему хорошему не приведет, и как-то очень заметно сникла.

— Все деточка, не скучай. Будешь Игорьку звонить — передавай пламенный привет.

Мне очень хотелось уйти. Нет ничего приятного в общении с девицей, которая имела доступ к мужниному телу.

Выйдя на крыльцо, я с дрожью выдохнула и попыталась собрать себя воедино. До чего же чудесный день! Просто песня! Сплошной праздник! И что делать дальше?

Ответа на этот вопрос у меня не было, поэтому я еще раз вздохнула и поплелась к машине, припаркованной на другой стороне дороги.

На улице тишина, будто вымерли все. Так странно. Посмотрела налево, посмотрела направо — ни машин, ни людей. Почему-то это напрягло. Еще раз покрутила головой в надежде заприметить кого-то живого. Никого. В окнах кафе по-прежнему отражались люди, и я немного успокоилась. Беременная паранойя — страшная вещь. То зомби причудятся, то огурцы-убийцы. Валерьяночки надо попить.

На середине проезжей части опять стало не по себе, словно холодом по спине мазнуло. Я остановилась, осмотрелась. Что за... В окнах соседнего здания отразилось ярко-алое пламя. По земле, по стенам, по отражениям в стеклах пробежала рябь, пространство покрылось морщинами, а за спиной раздался гадкий голос Юляши:

— Эй, ты! Беременная кобра!

Я растерянно оглянулась, не понимая, что происходит. Блондинка неслась ко мне, не замечая ничего странного — ни огня, ни трещин, ни морщин. Ей было плевать на эти странности... или она их попросту не видела.

Раскрасневшаяся от гнева, она подбежала ко мне и, размахивая наманикюренным пальцем прямо у меня перед носом, истерично завопила:

— Игорь все равно будет моим!

— Кто? — переспросила я, напрочь забыв о существовании мужа.

— Мы любим друг друга!

Я за них была очень рада, но не могла ничего сказать — меня напрягал странный шум, нараставший с каждой секундой. Он походил на рычание гигантского зверя, на рокот грома вдали или... на рев двигателя. Огонь в витринах погас, словно его и не было, пространство расправилось, ватная пелена, гасившая звуки, растаяла, и меня оглушил бессильный визг тормозов.

Вяло обернувшись, я увидела неумолимо летевший на нас грузовик. Огромный, заполнявший собой все перед ним... Как я его раньше не заметила? Он же не из-под земли возник!

Юля испуганно вцепилась за мою руку, а я за секунду до чудовищного удара думала лишь об одном: как же мой сын?

Глава 2

Я пришла в себя от холода. Вокруг стужались сумерки. Хлестал ливень, уши закладывало от нескончаемых раскатов грома. Я умерла? И попала в дождливый ад?

Ощущения медленно возвращались, и я поняла, что лежу на сырой земле лицом в грязь, на зубах неприятно хрустит. Одежда промокла насквозь и липнет к телу.

Пошевелила одной рукой, второй, подвигала ногами — все в порядке. Больно не было. Совершенно. Только в голове невозможный шум.

Где я?

Очередной раскат заставил нервно дернуться и вскочить на ноги. Как-то слишком быстро и легко это получилось для шестого месяца беременности! Тут же окутал страх, холодный, липкий, пробирающий до самых костей. Я аккуратно прижала дрожащую руку к животу и едва не завопила в голос, наткнувшись на пустоту. Плоский! Абсолютно плоский!!! У меня сердце от ужаса остановилось, легкие свело так, что вдохнуть не могла.

Вдруг услышала треск веток. Ближние раскидистые кусты заходили ходуном, задрожали под натиском невидимого зверя, но я не шевелилась, обреченно ждала своей участи, потому что было уже все равно. Мой бедный малыш...

Ветки расступились, и ко мне вывалилась взлохмаченная, ошалелая... я. Грязная, перепуганная, а самое главное — беременная!

Невозможно... Это невозможно!

Ветер бросал в лицо крупные капли дождя, я глотала их, хватая ртом воздух, пытаюсь совладать с паникой. Невозможно!!!

Наконец, «я» обернулась и увидела меня. Глаза у нее округлились, захлопали бестолково мокрыми слипшимися ресницами. Я и не знала, что у меня могут быть такие большие глаза. Просто огромные, как блюдца!

Она замерла, зажав рот руками, медленно опустила взгляд на свой откровенно беременный живот, обтянутый мокрым платьем, замерла на секунду, а потом начала истошно визжать, размахивая руками.

— Не надо мне его! Убери! Слышишь! Убери с меня это уродское пузо! — верещала она, — я Игорю буду жаловаться!

— Юля? — догадалась я.

Голос не слушался, а виски сдавливало так, что, казалось, еще миг — и голова расколется, как орех. Я взяла в руку прядь своих белокурых волос и с немым удивлением рассматривала ее. Доигралась... Беременная паранойя превратилась в беременный бред. Ущипнула себя за руку, сильно, от души, мечтая проснуться. Потом еще раз, и еще. Бесполезно. Напротив меня мое беременное тело, а сознание заперто в теле любовницы моего мужа, ненавистой блондинки.

Буренка уставилась на меня, как на привидение.

— Ты... ты... ты меня сюда притащила!

Знать бы еще, куда именно я ее притащила.

Она начала метаться в панике, орать, что я, дрянь такая, все подстроила, что это моих рук дело.

Да я бы скорее задушила ее в подворотне, чем отдала своего ребенка!

Боже, как в груди заломило... Не помереть бы раньше времени. Мне нужно разобраться в этой ситуации, нужно понять, что к чему, и вернуть свою беременность.

Юлька метнулась в сторону, но в пелене дождя не заметила в траве коварно притаившуюся корягу и споткнулась. У меня сердце оборвалось, когда я увидела, как она прикрыла руками лицо, а не живот! У нее нет материнского инстинкта!

Каким-то чудом Буренка смогла удержать равновесие и остановить падение. Я подскочила к ней, схватила за плечи и, не давая вывернуться, встряхнула:

— Уймись! Хватит носиться!

— Ты ревнивая идиотка, — завывала она, — зачем это сделала? Не нужен мне твой обормот! Сейчас специально упаду, чтобы выкидыш случился.

Мне хотелось ее убить. Задушить и закопать. Но я сдержалась, проглотила все слова, готовые сорваться с губ. Пока не разберусь в ситуации, надо контролировать эту истеричку, иначе натворит дел.

— Заткнись, — сильнее сжала ее плечи, — заткнись и послушай меня.

— Иди к черту! Ты просто поняла, что Игорь ко мне уйдет, и поменяла нас местами, чтобы остаться с ним! — зло выплюнула она. — Ведьма.

Какой Игорь?! Да пусть он катится на все четыре стороны вместе с этой белобрысой дрянью! Мне плевать! Верните мне моего ребенка! Он мой! И я любого порву, кто захочет вред ему причинить!

— Не пори чушь! Я тут ни при чем! Я больше, чем ты, заинтересована все вернуть обратно.

— Лжешь! Я не верю тебе!

— Плевать, веришь или нет. Мы во всем разберемся, все вернем назад. Главное, запомни: попробуешь навредить моему сыну — и тебе конец! Ты поняла меня?

— Пошла ты!

Я сжала пальцы так сильно, что она жалобно ойкнула.

— Ты меня поняла?!

Наверное, в этот момент я действительно походила на страшную ведьму, потому что Юлька испуганно скукожилась:

— Да поняла-поняла. — Ее истерика начала затихать.

— То-то же.

Я отпустила ее и отошла в сторону. Запрокинула лицо к небу, жмурясь от дождя и пытаясь найти островок спокойствия внутри. Я не имела права расслабляться и впадать в уныние — мне надо вернуть свой живот.

Холодные капли лупили по лицу, ресницам, губам, над головой полыхали молнии, а я все стояла, успокаивалась, и только когда, наконец, смогла выдохнуть, развернулась к Юле:

— С телами разберемся потом. Надо найти укрытие, пока ты не простыла.

— Моя сумка! — внезапно встрепенулась Юля. Бросилась куда-то в сторону и вернулась с крохотным ридикулем. — Сейчас позвоню Игорю! И все ему расскажу! Все! Он меня заберет отсюда!

Неприятный привкус, очень напоминавший горькое отчаяние, наполнил рот. Что-то подсказывало, что ни черта Юляшка не дозвонится.

Так и случилось:

— Проклятье, нет сигнала.

— Стой здесь, — скомандовала я и бросилась в те кусты, откуда Юлька вылезла.

По логике, мое добро тоже должно быть там. Так и оказалось. Схватив грязную сумку, я быстро вернулась назад, опасаясь, что в мое отсутствие эта бестолочь что-нибудь натворит.

Как и ожидала, мой телефон тоже оказался бесполезен.

— Помогите! — внезапно Юлька заорала во весь голос так, что я даже подскочила. Истошный вопль утонул в новом раскате грома. — Спасите! — снова завопила она с таким же результатом. — Есть тут кто-нибудь?!

— Я тут есть, устроит? — проворчала я сердито.

Блондинка, а ныне брюнетка, нагло присвоившая мое тело, взглянула на меня со всей возможной ненавистью и снова заорала, как дурная:

— Помогите!

— Заткнись! — Я раздраженно схватила ее за руку. — Никого здесь нет. Только мы! А может, еще волки какие-нибудь, или медведи! И твоё «помогите» они слышат как «кушать подано, идите жрать»!

Юльку проняло. Она заткнулась и начала испуганно озираться по сторонам, дрожа как осиновый лист. Не заболела бы!

— Что нам делать? — в капризном голосе слезы задрожали. — Придумай что-нибудь!

— Я пытаюсь! — огрызнулась на нее.

Тоже мне командирша нашлась. Если бы дрянь не сунулась ко мне сегодня, то ничего бы не произошло. Ненавижу!

Ливень не стихал, и перспектива провести ночь под непрерывными потоком с обезумевших небес становилась все более реальной и от того пугающей. Ладно я — переживу. А вот Юльке мерзнуть и болеть нельзя. Ни в коем случае! У нее мой ребеночек.

Я осмотрелась по сторонам, пытаюсь найти какое-нибудь укрытие. Ничего подходящего не увидела: кусты с размашистыми, как лопухи, но редкими листьями, стройные осины, рябина низенькая — все не то.

— Вон там ельник впереди, может, найдем место посуше.

Я побрела вперед, оборачиваясь через каждые два шага, чтобы убедиться, что зараза топает за мной. У нее был разнесчастный вид, надутые губы. Она нелепо размахивала руками и недовольно ворчала в сторону своего... то есть моего живота, вызывая стойкое желание треснуть ей по губам.

Нам несказанно повезло, когда, обогнув небольшой, наполненный водой и ветками овраг, мы обнаружили высокие раскидистые ели, склонившие ветви до самой земли. Помню, в детстве, когда в деревню приезжала, с мальчишками бегала по лесу и играла под такими.

Приподняв колючую лапу, я заглянула под нее, но там стояла такая тьма, что ничего не видно было. Пришлось доставать мобильник, включать фонарь и только после этого лезть.

— Ну что там? — трусливо завопила Юля, оставшаяся одна снаружи.

— Все хорошо, залезай!

Я водила фонариком по сторонам, осматривая наше временное убежище. Во весь рост не выпрямишься, но стоять на коленках вполне удобно, и для двоих места хватит. Несмотря на то, что отчаянно пахло сыростью и прелой хвоей, здесь было относительно сухо. Лишь в некоторых местах сверху лениво сочилась вода.

Юля со стоном согнулась в три погибели и, охая, когда еловые иголки немилосердно цеплялись за волосы, протиснулась ко мне.

— Уродский живот! — опять начала причитать, но, поймав мой предупреждающий взгляд, заткнулась.

Потом пробралась к стволу и, тяжело опустившись, привалилась к нему спиной.

На земле ведь сидит! Застудится! И подстелить ей нечего.

Я встала на четвереньки и начала сгребать прошлогоднюю хвою.

— Что ты делаешь? — поинтересовалась Буренка, даже не думая озаботиться своим удобством.

— Отвали!

Я чувствовала себя очень несчастной. Мало того, что она на моего мужа залезла, что моя беременность оказалась у нее, так я еще и ухаживать за ней должна, потому что ей глубоко плевать на ребенка. Очень несправедливо.

Насобирав внушительную кучу, я процедила сквозь зубы:

— Поднимайся.

— Зачем? Я устала.

— Тебе нельзя сидеть на земле! Простынешь.

— Плевать.

— Поднимайся, я сказала! — прорычала я, еле сдерживаясь.

Юля обиженно надула губы, с кряхтением поднялась и капризно канючила:

— Давай живее, мне неудобно.

Я же, дрожа от холода и бешенства, делала ей подстилку. Подгребла листья к стволу, расправила их, разложила толстым слоем, чтобы теплее было, а себе оставила лишь маленький клочок, чтобы уж совсем на голой земле не сидеть.

— Сними одежду и выжми ее.

Она сделала, как я велела: стащила с себя трикотажное платье, отжала его хорошенько и, брезгливо куксясь, натянула обратно, после чего, ни слова не сказав и не поблагодарив, с недовольным видом уселась на импровизированное ложе.

Королева, мать ее!

Я принялась инспектировать содержание своей сумочки.

Итак, что мы имеем.

Пустую бутылочку из-под воды, которую я забыла выбросить в клинике — пригодится. Ключи, документы. Снимок УЗИ, при виде которого сердце зашло в агонии. Украдкой взглянула на Юлю — та сидела, прикрыв глаза и разметав руки в стороны. Неужели ей не хочется живот погладить? Пожалеть?

С тяжелым вздохом снова вернулась к сумочке: салфетки, куча бесполезных бумажек, маленькая — всего четыре штучки, — еще запечатанная упаковка сухого печенья. Я всегда с собой носила такую — помогало от токсикоза. Замутит, бывало, а печеньку возьмешь, погрызешь — и отпустит.

В животе заурчало от голода, но я с тяжелым вздохом протянула печенье Буренке. Она снисходительно взглянула на пачку и взяла ее с таким видом, будто делает мне одолжение.

Держись, Алекса. Ты справишься. Разберешься во всем, вернешь сына и вот потом устроишь этой заразе сладкую жизнь. А пока держись!

Хотелось пить. Я взяла бутылочку и полезла обратно на улицу, под дождь. Сделала лунку, поставила туда пластиковую емкость, смастерила воронку из лопуха, вставила ее в горлышко — теперь вода должна набраться быстрее.

Опять пролезла под ветвями, получив несколько болезненных уколов в голые плечи, и, оказавшись внутри, завопила от негодования:

— Что ты творишь?!

Юля сидела и, блаженно прикрыв глаза, делала глубокую затяжку.

— Курю!

— Сдурела?! — я вырвала из ее рук сигарету. — Тебе нельзя! Ты беременная!

— Это ты беременная! А мне плевать! — ядовито сказала Буренка. — Я хочу курить!

— Сучка! — Я выдрала у нее из рук сумочку, залезла в нее без стеснения, отыскала пачку тонких с ментолом и смяла ее.

— Ты с ума сошла?! Это мое!

— Пока ты в моем теле, никаких сигарет, поняла? Руки выдерну, если еще раз эту гадость в рот потянешь!

— Да пошла ты!

Я бы пошла, с удовольствием. Но не могу! Скована по рукам и ногам, привязана к этой дряни намертво.

— Лучше спать ложись! — цыкнула я, давась собственным бессилием.

— Мне холодно! И страшно! Какое спать?

Действительно, было холодно, насквозь промокшая одежда липла к телу, вытягивая тепло.

Вот и пришло время вспомнить юношескую страсть к походам и ночлежкам на природе. Я сделала углубление в земле, накидала туда ненужных бумажек из своей сумки, сверху навалила веток, даже относительно сухую маленькую коряжку нашла в нашем скромном убежище. Воспользовавшись Юлькиной зажигалкой, развела огонь. Меленькие язычки пламени сначала скромно занялись на бумаге, потом аккуратно перебрались на ветки и засели на коряге. С огнем сразу стало веселее. Я выключила фонарик, чтобы сэкономить заряд аккумулятора, в душе лелея надежду, что завтра все-таки удастся позвонить.

Юля потянула руки к костерку, пытаясь согреть озябшие пальцы, а я полезла под ливень за водой. Пол-литровая бутылочка уже была полна, и я принесла ее Буренке.

— Держи.

— Издеваешься? Дождевая вода?

— Другой нет. Если хочешь, могу набрать из лужи.

Юля брезгливо сморщилась, но воду взяла. Я жадно смотрела, как она сделала несколько маленьких осторожных глотков, а потом жадно выпила остальное, оставив лишь немного на доньшке. Ей даже в голову не пришло, что нас двое, и я тоже как бы живая, голодная и хочу пить. Снова пришлось лезть на улицу, промокать, мастерить новую воронку, чтобы набрать воды для себя.

Да что же это такое? Что за злая шутка? Руки бы поотрывать тому шутнику, который такое сделал!

Напрочь вся исцарапанная, я вернулась в убежище, готовая разреветься от злости и обиды.

Юля уже устроилась на еловой постели. Свернулась калачиком, сумочку под голову положила и тоскливо смотрела на ленивый огонь. А я сидела напротив и так же тоскливо смотрела на ее живот, чувствуя себя самым одиноким созданием в этом мире.

Наконец, согревшись, Буренка уснула, а я так и просидела всю ночь у костра — не смогла сомкнуть глаз. Мне все казалось, что снаружи кто-то рыщет в поисках легкой добычи. Вздрагивала от раскатов грома, дрожала, словно осиновый лист на ветру, неустанно за огнем следила, опасаясь, что если он погаснет, то ночь набросится на нас и проглотит.

Глава 3

Естественно, утром я была похожа на бомжиху — грязная, нечесаная, опухшая, с покрасневшими от бессонной ночи глазами. Зато Юляшка выспалась хорошо. Она всю ночь самозабвенно сопела и улыбалась во сне. Мужа моего, наверное, видела, дрянь. Одно радовало — здоровый крепкий сон полезен не только для матери, но и для ребенка.

Пока она досматривала последние утренние сновидения, я осторожно выбралась наружу. Ливень давно закончился, и лучи рассветного солнца весело играли на каплях, усыпавших траву. Тихо, красиво, и воздух такой сладкий, чистый, что дышать — одно удовольствие. Не отходя далеко, я быстро сделала свои дела, потом нашла глубокую, вроде даже чистую, лужу и умылась. Тут уж не до пафоса, хоть какая-то гигиена нужна.

В этот момент раздался истошный вопль из глубины еловых ветвей:

— Ты где?

Буренка проснулась.

— Тут, — проворчала я и полезла обратно. Глаза бы мои ее не видели, но надо убедиться, все ли хорошо. — Выспалась?

Я протянула ей полную бутылочку. В этот раз Буренка не стала кобениться, а сразу вцепилась в нее и принялась жадно пить. Так жадно, что мне пришлось отнимать у нее бутылку, иначе мы бы остались без запасов воды.

— Я еще хочу!

— Хватит. Как самочувствие?

— Терпимо.

— Как живот? — Руки чесались потрогать его. — Тонус не поднялся?

— Какой тонус? — Буренка недовольно закатила глаза. — Я понятия не имею, что это такое. Могу только сказать, что этот арбуз мешал мне спать! Ни повернуться, ни на живот лечь! Отстой полный.

— Меня твой дискомфорт не интересует. Просто отвечай на мои вопросы, договорились? — непрекращаемым тоном потребовала я, строго смотря ей в глаза.

Она только усмехнулась:

— Ты так не хмурься! А то сделаешь мне морщину между бровей, буду как чучело потом ходить!

— Тебя только это волнует?

— Пока да! — Она со стоном перекатилась на бок и поползла к выходу. — Твоя кровать — полный отстой!

— Скажи спасибо, что хоть такая была! — Я сердито примяла тлеющие угли и засыпала их землей. — Все, пошли.

— Куда?

— Я откуда знаю? Куда-нибудь. Надо поймать сеть и вызвать помощь. Провести еще одну ночь с тобой в лесу нет никакого желания.

Я еще раз проверила связь — ничего, ни единой полосочки, полная тишина. Куда же нас закинуло? Что это за дыра?

Юля тем временем приводила себя в порядок, не забывая ворчать, какая она жирная, какой живот ужасный, как я тварь. Слушала ее краем уха, не вникая в подробности, — бухтит и ладно, значит, жива и рядом. Остальное неважно.

— Я есть хочу! — потребовала Буренка спустя пару часов, когда мы вышли на широкую просеку.

— Я тоже, но ничего нет — сама знаешь.

— Придумай что-нибудь! — капризно топнула она.

— Что я тебе придумаю?

— Что хочешь. Твой паразит, — указала пальцем на живот, — из меня все силы вытянул. Я его таскаю тут на себе, как проклятая, так что решай вопрос с едой.

Я ненавижу эту сучку! До тошноты, до кровавой пелены перед глазами. Бросить бы ее, проучить, но никогда так не сделаю, и она прекрасно это понимала.

— Жди здесь, — я указала на трухлявый пенек, скромно притулившийся в сторонке, и отправилась на поиски провианта.

Что можно найти в лесу в разгар лета? Грибы — сразу нет. Я не такой великий грибник, чтобы с уверенностью сказать, где съедобный гриб, а где хорошо замаскировавшаяся поганка. Да и приготовить нормально не сможем — посуды нет. Разве что на палочках над огнем пожарить.

Так что грибы — не вариант, а вот ягоды — совсем другое дело.

Я долго ползала по кустам — нашла малинник с мелкими, но очень ароматными ягодами, немного черники, землянику. Собирала как в той сказке: одну ягодку беру, на другую смотрю, третью замечаю, а четвертая мерещится.

Есть хотелось нещадно, но я сдерживала себя, лишь изредка отправляя в рот ягоды. В первую очередь думала о своем ребенке. Мне надо, чтобы с Юлей все было в порядке, чтобы она была сыта, здорова, поскольку ее состояние напрямую влияло на моего сына.

Господи, какой абсурд!

На просеку возвращалась с несколькими кулками, скрученными из лопухов, и в каждом лежали ягоды.

Юля приняла это с невозмутимым видом, будто так и должно быть, будто я обязана скакать вокруг нее и выполнять все прихоти.

Пока она трапезничала, я снова проверила сигнал, походила из стороны в сторону, надеясь найти волшебную точку, в которой все заработает, попрыгала, даже на невысокую березу забралась — все без толку.

И тут откуда-то издалека порывом ветра принесло звуки. Страшные, пробирающие до костей. Визг, вой, рычание, смешанные в сумасшедший гвалт.

Юлька подскочила, рассыпав остатки ягод:

— Что это?

— Не знаю. — Я прислушивалась, с каждым мигом все больше холодея изнутри. Похоже на охоту. Загон добычи бешеной стаей. — Бежим! — схватила Юлю за руку и потянула к деревьям.

— Я не могу, — стонала она, едва шевеля ногами, впереvalочку семенила за мной, держась за живот.

С ней не убежишь! Меня даже затрясло от страха, потому что каким-то внутренним чутьем понимала — на нас охота шла, нас стая загоняла.

— На дерево!

— Как я это сделаю с этим проклятым животом?! — зарыдала Юля.

Завыла в голос, за что тут же получила затрещину:

— Заткнись, дура! Они услышат и будут здесь еще быстрее.

Оставив Юлю в покое, я бегала между деревьев, пытаюсь найти такое, на которое смогла бы залезть беременная на шестом месяце. Как назло, вокруг одни гладкие стволы с высокорастущими ветками. Даже я на такое с трудом заберусь.

Наконец взгляд уперся в кряжистый вяз с развилкой ствола. Можно попробовать!

Слома голову побежала к рыдавшей Юльке, схватила ее за руку и потащила за собой.

— Я не могу, — выла она.

— Давай поднажми! Немного осталось! — Я подтащила ее к нужному дереву. — Залезай.

— Как?

— Как-как! Попой об косяк! — я не по-детски психанула. Гвалт разномастных голосов становился все ближе и ближе, и от страха уже дрожали поджилки. — Давай же! Давай! Вот тут хватайся! Ногу ставь — одну сюда, вторую сюда. Подтягивайся!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.